

DOI: 10.31860/0136-7447-2021-38-159-187

Я. В. Нагорная
(Санкт-Петербург)

Ya. V. Nagornaya
(Saint Petersburg)

**Традиционный фольклор
деревни Демидовской
Красноборского района
Архангельской области
(из репертуара
Г. П. Лаврентьевой)¹**

**Traditional folklore of the
village of Demidovskaya,
Krasnoborsk district,
Arkhangelsk region
(from the repertoire of
G. P. Lavrentyeva)**

Аннотация

В статье дан обзор состояния фольклорной традиции в деревне Демидовская (Подборная) Белослудского сельсовета Красноборского района Архангельской области на основе фольклорного репертуара жительницы деревни Галины Петровны Лаврентьевой (р. 1930) и ее родственников. Публикуются тексты духовного стиха, быличек, легенд, песен, гаданий и заговоров из репертуара исполнительницы. Работа выполнена по материалам экспедиции 2009 г. на Северную Двину.

Ключевые слова: *Русский Север, Северная Двина, фольклорный репертуар, духовные стихи, былички, легенды, песни, гадания, заговоры*

Abstract

The article provides an overview of the state of folklore tradition in the village of Demidovskaya (Podbornaya) Belosludsky village council of Krasnoborsky district of the Arkhangelsk region on the basis of folklore repertoire of the resident of the village Galina Petrovna Lavrentieva (1930) and her relatives. The article comments on the texts of spiritual verse, bullies, legends, songs, guesses, stories about clades and plots, from the repertoire of the performer. The work was carried out on the basis of the materials of the 2009 expedition to North Dvina.

Keywords: *Russian North, Northern Dvina, folk repertoire, spiritual poems, memorates, legends, songs, divinations, conspiracies, traditions*

Комплексное научное обследование фольклора и древнерусской письменности в деревнях Белослудского сельсовета, начало которому было положено в 1962 г. совместной экспедицией Пушкинского Дома и Архангельского педагогического института им. М. В. Ломоносова (ныне Северный (Арктический)

¹ Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 17-78-20194 «Фольклор Белого моря в современных записях: исследования и тексты».

федеральный университет)², продолженное в 1980-е гг.³, вновь возобновилось летом 2009 г.⁴ Параллельно в этом регионе работали сотрудники Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН⁵.

Собиратели, побывавшие здесь в 1962–1980 гг., писали о местной фольклорной традиции как о «неинтересной» и бесперспективной для дальнейшего изучения⁶, однако полевые наблюдения, сделанные нами в 2009 г., опровергают этот вывод. Анализ материалов и дневниковых записей экспедиций прошлых лет показал, что наши предшественники практически не работали с потомками местных старообрядцев, оставляя за рамками рассмотрения вопросы бытования традиционной культуры в этой среде.

Старообрядчество на Северной Двине имеет давнюю историю⁷. До сих пор в этих местах живут внуки и правнуки староверов, перешедшие в мирскую веру, но бережно хранящие память о своих благочестивых родственниках и устоях прежней жизни. Совместная работа фольклористов и археографов, беседы с местными жителями о озаменитых северодвинских книжниках способствовали

² Материалы, собранные под руководством В. В. Митрофановой и Т. И. Орнатской, хранятся в РО ИРЛИ РАН и частично опубликованы в книге «Народное творчество Северной Двины» (Архангельск, 1966). В августе 1962 г. в Красноборске, Белослудском и Юрьенаволоцком сельсоветах побывал академик А. М. Панченко. См.: *Панченко А. М.* Отчет об археографической экспедиции в Красноборский район Архангельской области и г. Тотьму Вологодской области в 1962 г. // ТОДРЛ. М., Л., 1962. Т. 18. С. 426–428, затем вплоть до 1989 г. в этом районе работали участники археографических экспедиций Пушкинского Дома.

³ Обследование проводилось участниками совместной экспедиции Сектора фольклора ИРЛИ и Лабораторией народного творчества Ленинградской консерватории (ныне Фольклорно-этнографический центр им. А. М. Мехнецова). Материалы экспедиции представлены, в частности, в публикациях Ю. И. Марченко, см., например: *Марченко Ю. И.* Песенная традиция Северной Двины (к проблеме изучения поющего фольклора Архангельской области) // Традиционные музыкальные культуры на рубеже столетий: проблемы, методы, перспективы исследования. М., 2008. С. 130–134.

⁴ В ходе экспедиции были обследованы Черевковский и Белослудский сельсоветы Красноборского района. Красноборский отряд в составе Я. В. Зверевой, Т. Б. Карбасовой, Т. И. Александровой и фотографов А. А. Савкина и Ю. А. Балакина работали в деревнях Белая Слуда, Цивозеро, Федоровская, Митинская, Смагино, Вершина, Демидовская. Подробнее см. отчет: *Бильдюг А. Б., Бобров А. Г., Васкул А. И., Комелина Н. Г.* Обзор фольклорных и археографических экспедиций Пушкинского Дома 2008–2013 годов // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2014. № 3. С. 215–224.

⁵ В 2009–2010 гг. Лаборатория аудиовизуальной антропологии МАЭ РАН провела комплексную фольклорно-этнографическую экспедицию в Красноборский район, были обследованы г. Красноборск, с. Верхняя Уфтюга, д. Топса и Устопа. См.: *Ермолин Д. С.* По следам старообрядцев Уфтюги // Рябининские чтения – 2011: Материалы VI научной конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера / Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижский полог». Петрозаводск, 2011. С. 47–48.

⁶ См. подробнее: *Орнатская Т. И.* Дневник экспедиции // РО ИРЛИ. Р. V, к. 220, п. 3, № 47, с. 10.

⁷ *Гагарин Ю. В.* Старообрядцы. Сыктывкар, 1973; *Савельев Ю. В.* Старообрядчество в Сольвычегодском уезде Вологодской губернии (по материалам отчетов миссионеров) // Сольвычегодская старина. Сыктывкар, 1994. С. 36–48; *Щитин В. И.* Старообрядчество в верхнем течении Северной Двины. М., 2003.

созданию доверительных отношений с представителями старообрядческих родов Шестаковых, Осиевых и Лаврентьевых, многие из которых интересовались историей своих семей и древнерусской книжностью, а посему охотно делились с нами знаниями⁸. Неоценимую помощь оказала Галина Николаевна Корникова, учитель истории в местной школе и краевед.

Одной из задач экспедиции 2009 г. был поиск сведений о книгах из обширной библиотеки, некогда принадлежавшей Андрею Пионовичу Осиеву (1887–1950-е). Г. Н. Корникова рассказала нам про Галину Петровну Лаврентьеву (1930–2010-е) из д. Демидовская⁹, отец которой дружил с А. П. Осиевым и сам владел богатым книжным собранием. В начале 2000-х гг. Ирина Станиславовна Копылова, уроженка Белой Слуды, в то время студентка Поморского государственного университета, записывала у Г. П. Лаврентьевой свадебную лирику для курсовой работы по фольклору. Насколько мы можем судить, систематической работы с Галиной Петровной не проводилось.

Наше личное знакомство с этой талантливой исполнительницей произошло через ее родственников, семью Поповых из д. Вершина Белослудского сельсовета, встреча с которыми состоялась также благодаря Г. Н. Корниковой. Глава семьи, Владимир Павлович Попов (1946 г. р.), заядлый рыбак и охотник, как нам говорили, знает много песен, играет на гармошке, однако беседовать с нами о себе, тем более — петь, отказался. Мы разговаривали с его женой Раисой Александровной (1948–2017) и их дочерью Ириной Владимировной Емельяновой (1970 г. р.), преподавателем русского языка и литературы в Педагогическом колледже г. Котласа.

Раиса Александровна, уроженка деревни Пучкина (ныне Карповская) Белослудского сельсовета, знала много песен, мифологических рассказов и заговоров. В юности она много общалась со староверами, особенно много с Пивоновной, сестрой А. П. Осиева, от которой услышала предание о Ермаке. После долгих уговоров Раиса Александровна согласилась проводить нас в д. Демидовская, где живет Г. П. Лаврентьева.

Галина Петровна — внучка старовера Василия Нестеровича Лаврентьева. Его сын Петр Васильевич после армии выучился на инженера, работал в Рыбинске, затем вернулся в родную деревню, чтобы содержать огромное хозяйство, оставшееся после смерти Василия Нестеровича. Семья жила очень бедно, поскольку отец Галины Петровны «заклялся» идти в колхоз и перебивался случайными заработками: клал печи, строил дома, делал мебель на заказ. Петр Васильевич, подолгу живший вне родного дома и не имевший возможности сохранять уклад жизни старовера, был вынужден перейти в мирскую веру.

⁸ Автор статьи выражает сердечную благодарность Галине Николаевне Корниковой, Марии Савватьевне Вишняковой и Ирине Станиславовне Копыловой за помощь в работе над статьей.

⁹ Многие деревни на Северной Двине имеют двойные или тройные названия, так, например, Белая Слуда, административный центр одноименного сельского поселения, называется также Большая Слудка, Белая Слудка, Кулига; деревня Середовина — Плакуново и др.

Он посещал богослужения в Церкви иконы Владимирской Божией Матери в с. Белая Слуда, делал внутреннее убранство Церкви Троицы Живоначальной в с. Березнаволок Верхнеуфтыюгского сельсовета, а после ее разрушения укрывал на чердаке своего дома иконы из этого храма. Однако ему удалось сохранить тесную связь со староверами. Галина Петровна рассказывала, что отец по приглашению ходил к умирающим на исповеди и очень дорожил дружбой с Андреем Пионовичем Осиевым.

Петр Васильевич был суров в соблюдении церковных правил: заставлял молиться несколько раз в день («тут и шаньги не заденешь, пока не намолишь. А как я маленька много молилась — заставлял») и не терпел дома сквернословия.

Г. П.: «Грех. Раньше, знаешь, как говорили: если женщина сматюгается, так Пресвятая Богородица с Престола валится. Три самых больших греха — отца с матерью матерно ругать, баню топить в пост и скатерть со стола в корыте стирать».

Как пояснила исполнительница, скатерть считалась «чистой», поскольку на нее клали еду, соседство с грязным бельем оскверняло скатерть.

Галина Петровна родилась уже после того, как отец сменил веру, своего дедушку в живых не застала, читать «по-славянски» не умела, поэтому представления о староверах и их жизненном укладе имела весьма туманные. По-детски открытая и доброжелательная, из-за своей чрезмерной доверчивости она не становилась жертвой нечестных людей, которые за конфеты и недорогие подарки вывезли из дома старинные иконы и книги.

Среди просмотренных отчетов об археографических экспедициях, а также картотек Древлехранилища им. В. И. Малышева не удалось обнаружить хоть какие-то сведения о Петре Васильевиче Лаврентьеве и его отце Василии Нестеровиче, также нет информации об их домашнем книжном собрании и его дальнейшей судьбе.

Галина Петровна Лаврентьева всю жизнь прожила в родном доме на берегу реки Уфтыюги, правого притока Северной Двины, за пределы Красноборского района выезжала всего несколько раз и то ненадолго: в отъезде сильно тосковала по своему дому. Она отказалась выходить замуж, чтобы не оставлять больную мать одну. В среде местных староверов безбрачие по собственной воле было широко распространено и вызывало одобрение¹⁰.

По причине тяжелой болезни, повлекшей за собой инвалидность, круг общения исполнительницы был ограничен. Галина Петровна не работала в колхозе, не была на лесосплаве, даже Великая Отечественная война не оказала на ее судьбу ощутимого влияния, женщина всегда жила и работала дома (вязала шали на заказ), окруженная заботой близких. В юности во время деревенских праздников больше тяготела к беседам с пожилыми людьми, чем с молодежью.

¹⁰ По мнению жителей с. Верхняя Уфтыюга, собеседников Д. С. Ермолина, «отличительными чертами настоящих старообрядцев было безбрачие (или раннее вдовство) и поддержание духовной чистоты (немирщение)». См.: *Ермолин Д. С. По следам старообрядцев Уфтыюги... С. 47.*

Устойчивость как отличительная черта бытования традиционной культуры в среде староверов не раз становилась предметом рассмотрения на материале записей из различных регионов России¹¹. Как в случае с фольклорной традицией Низовой Печоры, в д. Демидовская следование патриархальным устоям в быту и вере было основополагающим для старообрядцев. Безусловно, лучшему сохранению местной традиционной культуры способствовала географическая удаленность деревни от крупных дорог, в 2009 г. — ее практически полная изолированность (с ближайшим селом Демидовскую связывает узкая лесная дорога). Благодаря этому в репертуаре старших родственников Галины Петровны сохранились свадебная лирика.

Материал, записанный от Г. П. Лаврентьевой, интересен прежде всего в силу традиционности, он дает если не исчерпывающее, то системное представление о фольклорных жанрах, бытовавших в этой ныне вымирающей деревне¹². Раиса Александровна долгое время прожила в соседней деревне, с Галиной Петровной имеет много общих знакомых и состоит с ней в родстве через свекровь Лидию Алексеевну Попову¹³. Рассказы Раисы Александровны и ее дочери Ирины Владимировны, знающей много рассказов из репертуара своей бабушки, во многом дополняют общую картину.

Раиса Александровна, привыкшая работать с собирателями, активно включилась в беседу, выступала одновременно и в качестве «знающего» человека, носителя традиции, и «собираателя». Постоянно осмысляя услышанное в прагматическом ключе, она периодически восклицала: «Ну, ты еще много знаешь!» — и сожалела, что многое важное для жизни: сведения о святых, защищающих от различных напастей, рассказ об охранительных свойствах «Воскресной молитвы» она слышит впервые и не имеет возможности записать для себя. В самом начале беседы они с Галиной Петровной сразу очертили круг наиболее интересных для них тем: песни, рассказы о колдунах и народная медицина, а также назвали фольклорные жанры, которых они не знают.

Раиса Александровна отметила, что сказок¹⁴ в окрестных деревнях нет и не было. Из всех сказочных сюжетов в середине XX в. сохранились в основном новеллистические. Как писала Т. И. Орнатская, «сказки похожи на бытовой анекдот, очень натуралистичны. Скорее, это не сказка, а просто забавный неприличный

¹¹ Власов А. Н. Сказители печорских старин // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера: Доклады III междунар. науч. конф. «Рябининские чтения — 99». Петрозаводск, 2000. С. 42–49; Мурашова Н. С. Вклад старообрядцев в сохранение и развитие духовного стиха // Вестник музыкальной науки. 2013. № 2. С. 80–87 и др.

¹² Со слов Галины Петровны, деревня Демидовская и раньше была небольшой, в ней было четырнадцать домов, а сейчас (2009 г.) — всего четыре жилых дома.

¹³ Имя Лидии Алексеевны мы не нашли среди материалов экспедиции 1962 г., однако Раиса Александровна упомянула, что в дом к ее свекрови часто приезжали разные экспедиции, в том числе из Ленинграда.

¹⁴ Сказочной традиции, которую фиксировали еще в 1960-е гг., нет довольно давно, даже названных нами сюжетов местные жители уже не помнят.

или страшный случай, как-то поэтически оформленный»¹⁵. Подобные сюжеты не могли быть распространены в старообрядческой среде. Галина Петровна также не знает загадок. К началу XXI в. по большей части сохранились только тексты, содержащие фривольный намек, хотя разгадка всегда приличная, например: «У тетки у молодки загорелось в середке, а у парня-молодца закапало с конца» (самовар), «Дедушко на бабушке тырки-тырки-тырки. Белая пена пошла из дыры» (мельницы), «С вечера оболты, оболты, вечером яры, яры, яры. Утром встал, гонять устал» (квашня)¹⁶. Такие загадки знают в основном те, кто поет частушки «с картинками». Галина Петровна, выросшая в среде староверов, вероятно, таких загадок даже не слышала.

Особый интерес представляли комментарии наших собеседниц, в которых, как правило, содержалась информация о тех, кто исполнял то или иное произведение. Задавая наводящие вопросы, Раиса Александровна следила за тем, чтобы Галина Петровна не уклонялась от основной линии разговора о старинных песнях. Главным критерием «старинности» было воспоминание об исполнителях, от которых они ее переняли, поэтому «новыми» считались не только «Златые горы»¹⁷ и «Шумел камыш», но и свадебная величальная «Чарочки литы», а самой старой песней оказалась «На Мурманской дорожке».

Манеру исполнения Галина Петровна переняла от тетки и старшей сестры Лидии. «Я раньше любила, как сестра пела. Она не быстро, очень плавно вела песенки, любила ейным голосом петь». Вместе с Раисой Александровной они вспоминали имена других выдающихся исполнительниц (Зинаида Сивкова, Валентина Гусева, Любовь Пешеходова, Раиса Жерихина, Агния Андреевна), с которыми участники экспедиции 1962 г. не работали.

Галина Петровна исполнила для нас духовный стих «Инок и Христос» («Шел в пути молодой инок») [1]¹⁸, который любила ее тетя. Раиса Александровна подтвердила, что слышала песню от старушек этой деревни. На наш вопрос о других песнях на духовные темы Галина Петровна ответила, что про святых и Богородицу песен нет и быть не может. «Инок и Христос» был единственным духовным стихом, записанным нами в ходе этой экспедиции. Автор издания духовных стихов и кантов Е. А. Бучилина отмечает большую распространенность этого духовного стиха именно в среде старообрядцев и предполагает его связь с апокрифом о «черной книге», хранящейся на дне моря под камнем Алатырем¹⁹.

¹⁵ *Орнатская Т. И.* Дневник экспедиции // РО ИРЛИ. Р. V, к. 220, п. 3, № 47. С. 10.

¹⁶ Лыжин Владимир Петрович, д. Шилово (Лыжина) Первогорского сельского поселения Красноборского района.

¹⁷ Про эту песню Т. И. Орнатская писала как про одну из самых популярных песен, которую в 1960-е гг. пели на всех праздниках. См.: *Орнатская Т. И.* Дневник экспедиции // РО ИРЛИ. Р. V, к. 220, п. 3, № 47. С. 7.

¹⁸ Числа в квадратных скобках отсылают к номерам текстов, помещенных в приложении к данной статье.

¹⁹ *Бучилина Е. А.* Духовные стихи. Канты: Сборник духовных стихов Нижегородской области / Подг. Е. А. Бучилина. М., 1999. С. 258.

Стих об иноке, потерявшем золотой ключ от церкви, книгу и веру, известен на Русском Севере в разных вариантах, наиболее полный записан А. В. Марковым еще на рубеже XIX–XX вв. в С. Нижняя Зимняя Золотица²⁰. В отличие от этой записи, вариант Галины Петровны является кратким: встреча молодого инока, в большинстве текстов монах — старец, с Христом происходит один раз, обо всех потерях он сообщает единожды.

Мария Савватеевна Вишнякова, собиравшая фольклор в Красноборском районе в 1970-х гг. для составления репертуара Красноборского народного хора, рассказывала, что духовные стихи, наряду с плясовыми и свадебными песнями сохранялись в этих местах довольно долго. Однако среди архивных материалов прошлых экспедиций ИРЛИ (1962 г.²¹ и 1980-е годы), хранящихся в Фонограммархиве ИРЛИ, нам не удалось найти сведения о бытовании духовных стихов в Красноборском районе, но даже единственная фиксация духовного стиха в районе Белой Слуды является поводом для дальнейшего изучения данного вопроса.

Предположение о том, что Галина Петровна — великолепный знаток местной свадьбы, не оправдалось, хотя сама же она про себя говорила, что ее зовут петь на все праздники. «Все на праздники, везде праздник, или свадьба, или чего — приглашают меня. Так я в Ленинграде-то прославилась песнями-то. Я только запеваала, запеваала, запеваала».

Исполнительница пропела первые несколько слов песни «Как у чарочки да у серебряной...», исполнявшейся во время «плаканья» в доме невесты, а также исполнила две песни в контаминациях со свадебной величальной «То не рюмочки по столику бренчат», частую песню «Во лузях» [8] и до сих пор еще очень популярную в Белой Слуде и окрестных деревнях величальную песню «То не конь бежит по бережку» [9].

Эту величальную исполняли за свадебным столом женщины и девушки, ее пели сначала молодым, а потом всем гостям. В варианте Галины Петровны из «То не конь бежит по бережку» только две первые строфы, далее идет большой фрагмент из величальной «Не рюмочки по столику бренчат», при этом сюжетообразующим является не мотив окончательного перехода невесты на сторону жениха, а ее просьба отпустить в родной дом.

Песни «Не рюмочки по столику бренчат» и «Не конь бежит по бережку» были записаны В. В. Митрофановой, Т. И. Орнатской и Г. М. Ядрихинской в 1962 г. в различных деревнях Белослудского сельсовета, однако среди них нет ни одной контаминации этих двух текстов. Собиратели прошлых лет отмечали, что песня «Не конь бежит по бережку» пелась молодым сразу после «Не по столику рюмочки бренчат»²², возможно, поэтому Галина Петровна объединила их в одну.

²⁰ Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова / изд. подг. С. Н. Азбелев, Ю. И. Марченко; отв. ред. Т. Г. Иванова. СПб., 2002. № 119, 148.

²¹ РО ИРЛИ. Р. V, к. 220; ФА ИРЛИ, к. 422, 447.

²² Митрофанова В. В., Ядрихинская Г. М. Комментарий к песне, записанной от А. А. Прилуцкой в д. Борок (Толща) // РО ИРЛИ, Р. V, к. 220, п. 1, № 36.

В соседствующем с Красноборским Вилегодским районе Архангельской области Т. И. Орнатская записала песню «Что не сконь по бережку бежит», которую исполнительница назвала рождественской игровой. В качестве альтернативной версии может быть осторожное предположение о существовании в этой части Красноборского района своего рода «дублетов» — игровой и свадебной версии сюжета песни. О подобном явлении, применительно к Вилегодскому репертуару, писал А. Н. Власов²³. В своей статье он приводит пример свадебной величальной песни «Не конь с-по бережку бежит», текст которой весьма сходен с публикуемым нами вариантом.

Наши собеседницы вместе исполнили любимую песню Раисы Александровны «В том саду при долине...». Из «старинных» Галина Петровна также назвала песню «Недозрелая калинушка», отметив, что ее пели мужчины. На Русском Севере была широко распространена традиция мужского пения (как совместно с женщинами, так и без них), однако, в 2009 г. мы не застали даже ее отголосков. Песню «Недозрелая калинушка» называли многие собеседницы, но никто из опрошенных песельниц не смог вспомнить больше, чем две первые строфы: «Недозрелая калинушка. Ее нельзя заломати. Незозрела красна девица, ее нельзя замуж выдавать». Традицию мужского исполнения этой песни не зафиксировали и участники экспедиции 1962 г. Т. И. Орнатская писала, что эта песня — достояние старух, пели ее, когда шли с пожни²⁴.

Частушки в 2009 г. были одним из самых распространенных в Красноборском районе жанров, многие наши собеседники могли вспомнить частушки почти на любой сюжет. Из всего своего богатого репертуара Галина Петровна исполнила нам всего две частушки [10].

По материалам экспедиций ИРЛИ 1962–2020 гг. можно говорить, что основные праздничные циклы на Северной Двине в обрядовом исполнении по сравнению с поморским праздничным календарем развиты в гораздо большей степени. Многие собиратели отмечали, что жители района в 1962 г. помнили множество праздников: Новый год, Рождество, Крещение, Сретенье, Масленица, Евдокия (Евдокия плющица), Пасха, Троица, Аграфена купальница, Успение (Успенъё), Ильин день, Покров, а также престольные праздники окрестных деревень. (В 2009 г. местные жители старше 50 лет рассказывали о праздниках (помимо Пасхи), которые сопровождалась гуляниями — Рождество, Масленица, бывшие престольные дни.)

Из-за болезни Галина Петровна редко принимала участие в деревенских празднествах, ее рассказы об этих днях на удивление скупы. Она вспомнила всего четыре праздника — Рождество, Крещенье, Пасху, Николин день и Ильин день — престольный день в д. Подборная. Галина Петровна почти не была

²³ Власов А. Н. Хороводные и плясовые песни Нижней Вычегды. Режим доступа: <https://www.culture.ru/objects/2136/khorovodnye-i-plyasovye-pesni-nizhnei-vychehgy>.

²⁴ Орнатская Т. И. Дневник экспедиции // РО ИРЛИ. Р. V, к. 220, п. 3, № 47, с. 5.

включена в круг деревенской молодежи, о рождественских гаданиях знала только по рассказам подруг и от старшей сестры Лидии. Галина Петровна назвала гадания с решетом, с кольцом и золой и гадания на росстани, которые в большом количестве были записаны от жителей Красноборского района в экспедициях 1962 и 2009 гг. [11]. Ирина Владимировна Емельянова дополнила рассказ воспоминаниями своей бабушки о довольно редком гадании с тараканами [12].

Наша исполнительница уже не застала те времена, когда на реке прорубали Иордань. «Иордань-то для полоскания, а для Крещения — ничего, вроде бы, не мутили воды». Про Пасху исполнительница рассказала мало, отметила только, что в деревне ставили качель. На Северной Двине к качелям было особенное отношение, почти каждая из наших собеседниц могла пропеть «качульную» частушку, под которую молодежь качалась на качелях на Светлой неделе.

На качулюшке качалась,
Под качулюшкой вода,
Бело платье замочила,
Мне от мамушки беда.

От Галины Петровны были записаны две легенды о Николе Милостивом: о чудесном спасении Николаем Чудотворцем младенца [2], историю о том, как святой помог человеку устроить пир для гостей [3], которую исполнительница слышала в телепередаче.

В семье исполнительницы бытует рассказ «пляска в церкви» [4–5] — о возмездии за осквернение святыни: женщина осмелилась танцевать в часовне Ильи Пророка в д. Демидовская, которую в начале 30-х гг. XX в. разобрали и перестроили в Дом культуры. Галина Петровна узнала эту историю от своей тети.

Значительная часть материалов экспедиции 1962 г. — рассказы о том, как змея заползла кому-то в рот, кого-то укусила и тот умер, как змеи заползают в подполье, на мост избы или на поветь²⁵. В 2009 г. подобных рассказов нам не удалось записать. История о том, как змея заползла в дом к соседу-безбожнику, но никого не укусила, поскольку жена соседа верила в Бога, записанная от Галины Петровны, в этом отношении является уникальной [7].

В д. Демидовская существовало предание о том, что разрушение местной церкви, в часовне которой находилась икона, предохраняющая деревню от змей, накликано их появление, хотя до этого времени их и не было вовсе. Поверья о том, что змеи не водятся в деревнях, где есть церковь, встречаются повсеместно, однако на Северной Двине встретилось нам один раз [6].

По представлению исполнительницы, змеи обходят ее дом потому, что в нем есть иконы Бабушки Соломонидушки, Власия-Медосия и Ильи Пророка. Про охранительные свойства иконы Бабушки Соломонидушки Галина Петровна

²⁵ См., например, Дневники Г. М. Ядрихинской: РО ИРЛИ. Р. V, кол. 220, п. 4, № 2.

говорила много, но соотносила ее не с иконой Рождества Христова, а с иконой Страшный суд со змеем. Святые Власий Севастийский и Медост (Модест) Иерусалимский, оба считавшиеся покровителями скота и святыми, оберегающими от змей, нередко упоминаются в скотоводческих заговорах как одно лицо. Не случайно в этом ряду и упоминание Ильи Пророка, который, по народным верованиям, помогает от укусов змей, хранит дом от молнии и пожара. Жители Черевковского сельсовета верят, что от этих напастей спасает рисунок в виде зигзага молнии, нанесенный мелом (раньше углем) на притолоку дома.

Галина Петровна объяснила, что таких бережных знаков в их деревне не ставили, полагались на иконы святых в доме. Раиса Александровна: «Я хорошо помню, что Илья Пророк, и Никола Угодник, и Богородица всегда должны быть в доме», чтобы не случилось ничего плохого.

Особенные охранные свойства есть и у иконы «Шестистрильной» Пресвятой Богородицы (икона Божьей Матери «Семистрельная»), но от каких напастей она защищает, Галина Петровна назвать не смогла. Хозяйка не считает обязательным помещать иконы в красный угол. На вопрос собирателей: «Куда нужно ставить иконы?» — последовал ответ: «Куда придется». В красном углу стоит икона Пресвятой Богородицы и висят гравюры, купленные отцом в начале XX в. и чудом сохранившиеся в доме: вид Иерусалима, монастыря на Кавказе, «Тайная вечеря», несколько картинок на библейские сюжеты. Поскольку в детстве исполнительницы в доме тайно хранились иконы из разрушенной церкви в Березнаволоке, особенно любимые иконы находятся в укромных местах: за шкафом у кровати, за горкой (сервантом).

Наши собеседницы верили в защитную силу молитвы. Галина Петровна: «Воскресная молитва <стихира „Да воскреснет Бог...“> такая, если прочитаешь на день, так никакое колдовство не прилипает».

Раиса Александровна и Галина Петровна охотно отвечали на любые наши вопросы, но тема, связанная с колдунами, вызвала у них живой интерес. Они вспомнили колдунов, умевших «садить килы», и с традиционно уважительным отношением рассказали о знахарях, лечивших людей. Килы (одиночные или рассыпные)²⁶ на теле до сих пор считаются у жителей обследованных нами деревень Красноборского и Черевковского районов самым страшным заболеванием.

Рассказы на эти темы фиксировались нами на Северной Двине почти повсеместно. Истории, записанные от наших собеседниц, в этом смысле своеобразием не отличаются, однако рассказчицы почти всегда называли имена местных колдунов и знахарей [13, 14, 16, 25].

Со слов Галины Петровны и Раисы Александровны, в деревне не было принято обращаться к кому-либо за помощью в поиске заблудившихся домашних животных и пропавшего человека, в таких случаях служили молебен, и пропав-

²⁶ Кила — нарыв, опухоль на теле человека или животного, который, по поверьям, появляется вследствие порчи или сглаза.

ший сам возвращался [19]. Какому святому и в каком храме совершались службы, когда церковь в деревне была разрушена, наши собеседницы вспомнить не могли.

Галина Петровна и Раиса Александровна полагают, что лечить может вода из любого колодца и реки, если идти за ней молча. Одна знающая старушка по прозвищу Легковушка²⁷ лечила женщину от тоски по умершему сыну, водила на берег реки и умывала со словами «Тоска по воде, вода по реке» [25]. Вообще представление о проточной воде, которая способна забрать с собой «горе-тоску», широко распространено на Русском Севере²⁸.

Во всех обследованных нами деревнях Красноборского района достаточно сильна вера в домового. Домовой, батюшка Батамушка, Батамон, хозяин, дедушка, добрый дух, который заботится о домочадцах и скотине, предупреждает о грозящей беде, следит за тем, чтобы хозяева жили праведно [20]. Примечательно, что наименование Батамон, Батамушко(а) встретилось нами только в двух деревнях — Вершина и Демидовская. Рассказ Галины Петровны о домовом дополнила Раиса Александровна, которая каждый год угощает домового в его день рождения [21].

Вера в то, что лес — нечистое место, где с человеком может случиться что-то плохое, отразившаяся в быличках о хозяине леса, еще жива. Повсеместно нами были записаны рассказы о том, как в лесу «водит», а также в комплексе запретов и правил поведения в лесу (в лесу нельзя ругаться, особенно «лешукаться» ни на человека, ни на скотину).

Рассказов о лешем и о том, как водило или пугало в лесу, Галина Петровна не знает, возможно, потому, что по состоянию здоровья не могла ходить далеко в лес за грибами и ягодами.

Заговорное искусство до сих пор широко распространено на Северной Двине; из Красноборского района у нас записей почти нет, хотя, по признанию самих исполнителей, заговаривать может практически любая местная женщина²⁹. В д. Середовина жила знаменитая на весь Северо-Запад целительница Вера

²⁷ Наличие у местных жителей ярких, порой афористичных прозвищ — отличительная черта Белой Слуды и окрестных деревень (Клашка Кондитерша, Вася Рамзин, Ванька Цыпа, Царюшка, Боря Полич, «районная теща» и др.). В настоящее время традиция угасает, новых прозвищ не возникает, а истории, связанные с происхождением старых, постепенно забываются. В данном случае этимология «прозрачная»: женщина была маленькой и легкой, поэтому ее назвали Легковушка.

²⁸ Например, заговор, бытовавший на Пинежье. «Подошла я к быстрой речке смывать тоску-кручинушку. Тут моешься, и говоришь: „Ключевая вода, царица-водица, возьми с меня, рабы Божьей Анны, смой тоску-кручинушку, унеси мою тоску-кручинушку в синее морюшко“» (Заговоры и заклинания Пинежья / вступ. ст., подг. текстов, коммент. А. А. Ивановой. Карпогоры, 1998. С. 28).

²⁹ Подробнее о заговорах в регионе см.: *Васкул А. И.* Заговоры Северной Двины (по материалам экспедиций Пушкинского Дома 2009–2010 гг.) // Русский фольклор. Материалы и исследования. СПб., 2016. Т. 35. С. 413–436.

Алексеевна Зашихина, о способностях которой среди местных жителей еще при жизни складывались легенды³⁰.

Незадолго до нашего приезда с Галиной Петровной случился настолько сильный испуг от молнии, что она ненадолго забыла многие песни и частушки из своего репертуара. Исполнительница поделилась воспоминанием о том, как в детстве ее напугал пьяный мужчина и как ее пыталась лечить местная знахарка, но мама увезла ее к врачу, тем самым усугубив состояние [14]. С тех пор Галина Петровна предпочитает лечиться народными средствами, не полагаясь на знания врачей. Чтобы оправиться от испуга, она «стала воду-то в рот брать сама себе, и стала в память-то приходить».

«Передавать» нам заговоры наши собеседницы отказались, ссылаясь на правила передачи знаний: «принимающий должен быть другого пола и младше по возрасту», только назвали болезни, которые умеют лечить: испуг, килы, ожог [17, 18].

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ниже публикуются тексты произведений разных жанров из репертуара Галины Петровны Лаврентьевой, дополненные рассказами Раисы Александровны Поповой и ее дочери Ирины Владимировны Емельяновой. Тексты даются с сохранением диалектных особенностей речи исполнительниц, знаки препинания даны в соответствии с современными нормами пунктуации. В тех случаях, когда это возможно, в тексте дается отсылка на опубликованные варианты. Обозначение сюжета (мотива) быличек приводится по «Указателю сюжетов сибирских быличек и бывальщин», разработанному В. П. Зиновьевым (*Зиновьев В. П. Локальные особенности русского фольклора Сибири. Исследования и публикации. Новосибирск, 1985*).

1

Шел в пути да молодой инок,
Он идет в пути, да слезно плакучи,
А навстречу ему да сам Иисус Христос:
«Ты о чем, о чем да слезно плакаёшь?» —
«Потерял же я да свой церковный ключ,
Уронил его да во сине море,
А еще за им да золоту книгу,
Золоту книгу, Свято Евангелье». —
«Ты не плачь, не плачь, да молодой инок,
Я могу, могу да море высушить,
Море высушить, да ключ-от вынети,

³⁰ Вера Алексеевна скончалась в 2010 г. О ней см.: *Полярная А. Ю. Слово о Вере Алексеевне Зашихиной. О великой народной целительнице Русского Севера. М., 2016.*

Ключ-от вынети, книгу выписать.
Книгу выписать, да ее вызолотить.
Ты пойдь инок да во пустыню жить». —
«Я боюсь, боюсь да во пустыне жить». —
«Я пошлю с тобой два Ангела,
Два Ангела, да два хранителя,
Сохранят тебя да и помилуют».

Варианты: Киреевский—1848, 40, 43, 44; Варенцов, С. 183, 185, 186; Ефименко, 7; Марков, 119, 148, 298, 327; Духовные стихи Русского Севера, 40, 41, 129 и др.

2

Так вот Никола-то Угодник. Ой, женщина одна сидела с ребенком у моря. Сидела, да вздремнула. Вздремнула, ребенок-от упал в море, а один и был у отца-матери. Так как молились родители, не рожали долго. Ой, сколько их плачу-то было, сколько, вот это, стала Николе-то Милостивому молиться, так Никола Милостив. Церковь была закрыта, заперта, еще церкви были, заперта была к ночи, никого не было. А что святой, так он зашел, не надо никакого замка, он прошел, и этого ребенка на эти, как же называют... Положил. Ой, забыла, как... Мокрого. Он заплакал, а сторож не чувствовал, он втихомолку прошел, не слышит святой так, Никола Милостив. Ну вот, сторож: «Что такое, никого не было, а ребенок?!» Плачет он. Никого не было, заперты замки, он пощупал: заперто все. Потом пришли, на какой-то Николин день, к обедне народ. И отец пришел, ну вот, а этот, на хорах, вот как, на хорах ребеночек-от. Отец-то что это не, как-то знаешь, знает, что утопили, так вот это он. А еще побежал за своей женой, за матерью. Пришла, ну, она-то что, ребенка своего взяла, так до того молились, тут уж и не знаю, чего. И этот ребеночек, подрос, ну, в скит отдали.

Сюжет легенды восходит к древнерусскому памятнику, датируемому XI в.: «Чудо о некоем детищи утопшем, его же святой Никола жива сохрани», повествующем о спасении святым Николаем Мирликийским из Днепра утонувшего младенца.

3

Это чего, передавали по телевизору, передавали, я забыла. Нет, где-то один церковник, тоже в церковь ходил. Ну и вот, а ничего у него-то, шибко был богатый, все раздал, а праздник был, забыла, какой праздник, вот Ильи, наверное, день, не знаю, какой-то старинный праздник. И церковник к нему побеседовать, он был богатый, а тут ничего нету. Так он говорит:

— Чего же придут, чего мы?

— Ничего не беспокойся, у меня свадебно платье, что лежит, схожу на базар, продам, — Может слыхала? — это платье. И вот так и сделала. Платье-то продала, она продала-то, там Пресвятая Богородица, нет, которому Боженьку молились, ни Никола ли Милостив. Никола Милостив вроде. Он купил у ей платье по дороге, деньги отдал, она пока закупала продуктики, он пришел, да это платье-то принес мужику-то обратно. Она приходит вся, он: «Что же, на чем, платье-то ты не продала?!» Она: «Како платье не продала?» Вот принесли, вот тут-то она и догадалась, она же молилась, Никола Милостив. А он денег дал, она всего накупила церковникам. Ну, вот, она накупила исть, не досказала. Стали пить, пить, церковники, батюшка такой это... и не хватило вина-то, которого купила-то она. Не хватило вина, что делать?! Хозяин-то ушел в клеть, там в другую какую-то комнату, молельня-то была, и давай просить Николу-то Милостивого, да всех уж попросил. Ну, вот пошел, где бутылки сносил обратно, где все пили-то. Пришел, бутылки все наполнены вином, он принес этих вина бутылок две или сколько. Стали пить, а вкусно-то како, хорошее, бело. Вот эти церковники: «Ты, наверное, спас для другого чего-то. Смотри-ка какое утаил вино». А вот как.

Вероятнее всего, в основу легенды положен рассказ о современных чудесах святого Николая Мирликийского. Текст представляет собой сплав нескольких известных сюжетов, два из которых не имеют полного развития: известный евангельский сюжет о продаже богатым человеком собственного имущества и задача его нищим; и чудо на брачном пиру³¹.

Совершение Святым Николаем Мирликийским чуда, подобного тому, которое совершил Иисус Христос в Кане Галилейской, в контексте Русского Севера не лишено логики. Николай Чудотворец — самый любимый святой у славян, особенно на Русском Севере, почитание которого приближено к почитанию Богородицы и даже самого Христа. В фольклорных текстах «Никола может смешиваться с Богом и имя Николы сочетается с наименованием Господа <...>, как бы объединяясь с ними в одно целое, что в какой-то мере соответствует их объединению в деисусном иконном изображении»³².

³¹ В словах гостей пира: «Ты, наверное, спас для другого чего-то. Смотри-ка какое утаил вино» угадывается почти прямая Евангельская цитата: «Когда же распорядитель отведал воды, сделавшейся вином, — а он не знал, откуда это вино, знали только служители, почерпавшие воду, — тогда распорядитель зовет жениха и говорит ему: всякий человек подает сперва хорошее вино, а когда напьются, тогда худшее; а ты хорошее вино сберег доселе» (Ин. 2: 1–11).

³² Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982. С. 7.

4

И. В.: И еще они (бабушка и ее подруги. — *Я. Н.*) рассказывали про ту церковь, которая там, на угоре. Когда церковь разобрали при советской власти-то, вот только она начиналась, там какой-то праздник устроила молодежь. Вот они отмечали этот праздник, и какая-то женщина заплясала в церкви. И на следующий день ее парализовало.

Соб.: А девушка эта танцевала одна, или с иконой?

И. В.: Нет, она танцевала одна. Говорят, все остальные боялись танцевать, а она вот решила: «Ну, что не сплясать?!»

(*Ирина Владимировна Емельянова*)

5

Г. П.: Вот, начались колхозы. Вот часовню-то эту, и топтали иконы, и часовня-то <...>

Г. П.: Долго лежала-то, ноги заболели, ты знаешь (о плясавшей в часовне женщине. — *Я. Н.*).

Р. А.: Ну, знаю.

Г. П.: Так она очень плясала-то в часовне.

Р. А.: Она плясала-то, я уже и забыла. Губарева.

Г. П.: Потом-то все женщины, плясала в часовне.

Р. А.: Я-то не могла вчера вспомнить, что за женщина плясала.

Вариация сюжета об окаменевшей девушке — «Зоино стояние»³³, рассказанная в контексте других историй о возмездии за осквернение церкви (см. также № 7).

6

Г. П.: И еще говорили бабушки, что тогда, когда эту церковь разрушили, на эту сторону все лето плыли змеи, до этого вообще их не было, не ползали и ничего, а вот когда церковь тогда разрушили, змей была тьма.

Р. А.: Они до середины реки доплывают, а тут вот эта часовенка стоит на угоре, и она, наверное, их контролирует и не дает, доловины реки дает доплыть, а тут — не дает.

³³ Подробнее о сюжете: *Петров Н. В.* «Зоино стояние»: фольклорный сюжет и социальная реальность // Традиционная культура: [науч. альманах]. Т. 19. № 3. М., 2018. С. 118.

Соб.: А почему у вас на этой стороне змей не было?

Р. А.: А у нас-то часовня мешает, наверное, она мешает, икон много, так...

Г. П.: Часовня, да икона-то.

Соб.: Какая икона-то?

Г. П.: Икона-то? Власий-Медосий да Илья-то Пророк, не знаю-то иконы-то какие, не знаю...

7

Г. П.: Да. Так он все, были иконки с часовни и у нас на чердаке, потом были, и вот... А здесь в доме сейчас Витя живет, так один-то неверующий, старенький, веровал. Ему отец, наш дедушка, и он были как братья, ну как, а тот братан был. За колхоз, неверующий был, <жена> Анна верующа. Здесь у нас не было змей-то, а змеи в Бучиеве. И вот переплыла один раз змея-то, переплыла через наш дом, еще тут были, наш-от дом вперед, а вот она наш дом обошла, а к им в подвал. Сейчас подвалы сделаны, а тут-то были деревянные и необшитые, так низом. И змея в подпол залезла. Наш дом, у нас иконы, бабушка-то Соломонидушка была тут. Да, да. Ой, картина-то, где у меня картина-то. Памяти нет.

Соб.: А что за картина? Бабушка Соломонидушка?

Г. П.: Нет, ад. Ну...

Соб.: И потому, что у Вас эта картина, Ваш дом обошла змея?

Г. П.: Нет, это она нет, обошла змея, было, ой... Илья Пророк.

Соб.: Илья Пророк у Вас, икона есть?

Г. П.: Икона.

8

Во лужьях было, да во лужьях было,
Во лужьях было, в зеленых во лужьях.
Все было в зеленых во лужьях.
Там росла трава, там росла трава,
Выростала трава шелковая, нету у меня сейчас...
(*Р. А.:* *Давай, давай, мой-то голос...*)
Выростала трава шелковая,
Я с по той травы, да я с по той травы,
Со той травоньки сповыкормлю коня,
С этой травоньки повыкормлю коня.
Я сповыкормлю, сповыглажу его.
Я сповыкормлю, сповыглажу его.
Поведу коня, как коня к бабушке,
Да ко родимой к матушке.

Как-то вот это я спуталась...
К бабушке, к матушке,
Да наливная буду гостюшка,
Дорога буду гостюшка, дорогая винна ягодка...

Конец песни со слов исполнительницы «Как-то вот это я спуталась» представляет собой фрагменты концовки свадебной величальной «То не рюмочки по столику бренчат».

Региональные варианты: Народное творчество Северной Двины, 40, С. 58; Соболевский, т. II, 305; Гура, 2 и др.

9

То не конь бежит по бережку. Вороненький по крутенькому
У нас Лариса ходит по терему... как по отчеству-то, по высокоу,
как ли я не знаю... по высокоу.
Она белится-румянится, да во цветно во платье рядится, да.
Да жениха как зовут, там тоже, у того-то в гости просится.
Ох, ты там бабушка, как зовут, отпусти ко матушке,
К родимой, ко родимому бабушку, да ко родимой матушке.
Я у бабушки, у матушки да золота буду гостюшка, наливная ягодка.

* * *

Что не сконь по бережку бежит,
Не вороненький по крутенькому,
Николаюшко невесту ведет,
Душу красную девицу,
Она набелена, намазанная
Да целовать она приказанная
Николаю да Васильевичу.
(*Целуются, выходят в круг.*)

Запись 1962 г. рождественской игровой песни от Клавдии Дмитриевны Ковалевой из д. БурцевоВилегодского района Архангельской области.

Песня исполняется в кругу. «Парень стоит в кругу, вызывает невесту, ей поет. Можно играть ее. Веселая»³⁴.

* * *

Песня, записанная в Вилегодском районе А. Н. Власовым:

Не конь с-по бережку бежит,
Да не вороненькой с-по крутенькому.
Да Николаюшко невесту везет,

³⁴ РО ИРЛИ, Р. V, к. 220, п. 1, № 37. Запись Т. И. Орнатской.

Я. В. Нагорная

Да Олексеевич хорошенькую,
Да душу красную девицу,
Да свет Марию Николаёвну.
Она белица, румяница,
Да во цветное платье редица,
У Николая в гости просица:
«Николаюшко-батюшко,
Да отпусти в гости ко матушки,
Да ко родимому ко батюшку».

Региональные варианты: Народное творчество Северной Двины, 9, с. 138; Колпакова, 1973, 385; Студитский, 7, с. 64; Соболевский, т. 3, 189; Колпакова, 1963, 232 и др.

10

За рекой Собачка лает
Черненька мохнатенька,
Не пошла бы на вечерку,
Если б не собаченька.

* * *

За рекой Собачка лает
Черненька молоденька,
Не пошла бы на вечерку,
Если б не Володенька.

11

Г. П.: А Лида-то, она в Котласе жила с мужем, взяли его на фронт, она осталась в положении, домой-то и приехала, тогда Коля еще маленький был только, в войну еще. Шура Шорохова, слыхала, наверное, вот тут дом увезли в Наволок ихней. Она тут пришла гадать, и у Степановны было кольцо, а нады кольцо, золотое кольцо, и нады, чтобы венчальноё. Ну, она когда замуж выходила, венчалась, это кольцо было, перстенёчек, не кольцо, а перстенёчек маленький, золотой. Ну, за перстенёчком сходили, на блюдечко золы положат, была чтобы чистая, а то просеяли.

Соб.: А сеяли через перевернутое решето, или прямо?

Г. П.: А вот так вот, угля там не было, чистая. Ну вот, на блюдечко, потом стакан с водой, стакан чистый, тонкий с водой и поставят на эту, ну и вот, и опустят на волосинке, волосы были, так на волосинке опустят это кольцо. Кольцо-то хорошо ложится, само-то, а перстень-то худо, только маленький был у нее перстень, так не скоро повалишь. Золото. Неношенный. Ну так вот, стали смотреть, сестра-то смотрела, у ей, может, вестей-то хоть не было. Да, без вести пропал была по-

хоронная, без вести пропал. И вот: вижу, земля, земля, везде земля пересыпается, так землей засыпало, наверное, а Шура Шорохова, она на жениха, а жених-то у ей еще в школу ходил, так он с 30-го года, а она — с 24-го, так. Ну вот, так, так ей виделась старуха, и сюда косячки, старушка в платочке. Ой, она, так потом, ну так это, может, какая сваха, или чего ли. А отец помер, так эта старушка пришла мыть. В тот год отец помер, эта старушка, а она взамуж вышла ой, когда уже... У ей уже был пацан жених.

Гадание с золой и обручальным кольцом ранее было очень популярно на Северной Двине, о чем нам рассказывали многие наши собеседницы, однако, не все могли вспомнить гадание во всех деталях. Фаина Михайловна Шестакова из д. Белая Слуда рассказала о нем более подробно.

Ф. М.: Еще гадали, смотрели. Невеста-то жениха-то высматривала в стакане. Вот моя тетка, например, жениха высмотрела своего. И вторая тетка, это на самом деле так есть.

Соб.: А как это?!

Ф. М.: Они так, это самое: на стакан наливают воды, молча, на волосинке спускают обручальное кольцо и смотрят. А вниз еще ложат золу под стакан, какое-то время, вот уже они сидят, смотрят, смотрят, смотрят: кольцо перевортывается, вот, вот это все смотрят. Вот увидела жениха своего. Вот он к ней, мне тетка рассказывает, он к ней в чем пришел в военном, и потом она увидела: мы лежим с ним на подушках, розовая наволочка, вот то у ней и было. Она два раза посмотрела, два раза показалось разное, и два раза замуж выходила. У нас мать отца высмотрела. Это на самом деле есть, это точно.

Иногда вместо золы под стакан ставили зеркало.

12

И. В.: А вот, Рождество-то когда, так гадание-то происходит, вот гадали. Пошлите в поленницы. Какие поленницы? Давайте у этих выберем, потому что они там такие, такие. Про поленья помню. Про тараканов интересно гадали. Надо на развилку там трех или четырех дорог выходить с коробочком, где эти тараканы, у каждого был свой таракан. Куда этот таракан полезет, значит, жених с той стороны приедет; у тебя туда полезет — значит, с этой, твой замерз — значит, замуж не выйдешь в этом году.

Гадание было распространено в различных деревнях Белослудского сельсовета, его вариант рассказала нам и Нина Ивановна Хабарова (1931–2010-е) из д. Цивозеро. Варианты: Черепанова, 377.

13

Р. А.: Я хорошо знаю. Я ходила знаешь к кому... Пашиха была в Вершине. Вот заговорили, вот кто была. Пашиха! Помнишь, Пашиха, у магазина домик стоял. У нее был колодец, и вот у нас, у меня у сестры Колька Пивоваров болел менингитом, его привезли из Мурманска, и, значит, менингит у него чего-то врачи его бросили, не стали как лечить. И вот эта Пашиха его лечила. Я ходила каждый вечер Пашихи в колодец за этой водой, и мы, ведь, его вылечили. Он по сей день живет. Он Чечню сейчас прошел. Было, знаете, шел это... груз-то первый, второй или третий. И вот лечили. Я ходила каждый вечер вот за этой водичкой молча. Вечером, боюсь, и маленькая, все молча. <...> Я вот, племяннику, из колодца. Она дает молча мне бидон, из колодца наберет, со словами выльет, скажет: «Иди, ни с кем не разговаривай». Я маленькая часто бегала на этот, проточный-то, который зимой не замерзает, знаешь, этот, как... проток. Иордан, не Иордан, как называется-то. Не замерзает-то зимой проток-то. Так я все время ходила за этой водой, вот часто, вот своего племянника умою или чего ли. И все, и не вздрагивает.

14

Г. П.: У меня, ведь, тоже от испуга, ведь, я пострадала-то. Вот десяти годов была, вечерка была, вот теперь дома-то нет, на середине деревни. Вот там маленькой ти надо, ведь, посмотреть, интересно. А полати, раньше были полати, мы на полатах были. А пришел мужик тут с деревни, мужик-то уж он женатый был, а пьяный пришел. И потащил всех эта, все это соскочили, а меня-то схватил, да и стащил с полатей-то. А я маленькая, да раньше, ныне-то плюнули, а раньше-то какой-то чужой мужик, боялися. И вот я в школу второй год только ходила в школу, во второй класс. И вот пошла в школу, голова заболела, с уроков отпустили, Дарья Федоровна или Нина Андреевна была учителем. Ну вот, пошла на второй день, опять поотлежалась, отпустили, на второй день как я пришла, да кроватей-то не было у нас в войну купили, а это до войны. Туда мама принесла матрасик, туда, не было кроватей, так меня и повалили. А Мария Ишенина, вот, хозяйка теперь, дома-то, она сидела с песенкой прямо. В колхоз пошла, кони были, а днем, так нечего делать, сидела пряла. Ой, — говорит, — Валя, чего-то у тебя у девки-то закатываются глаза. Все закатываются, только белушки одни, закатятся туда. Чего-то она вся вздрагиват. А Перомушка лечила, вот этот был дом. Ну, Перомушка лечила, что лечила она, Перомушка день-два, надо бы все лечить-то у Перомушки, а мама увезла в больницу к Пучкову. И со мной лежала, а чего, в больнице она это дело ничего. Да туда-то...

15

Р. А.: А мой на Болтинку в Котлас ездили на свадьбу, так его со свадьбы прямо за столом увезли и сняли. Все. За пять минут он приехал, у него вся шея была в этих килах. Это вот на Болтинке в Котласе.

Г. П.: Это рассыпные.

Р. А.: Вот, мы на свадьбе сидели, у него шея не гнется. Мы только свозили, через десять-пятнадцать минут приехал, рубцы только остались. Вот как. Вот какие люди сильные были.

16

Г. П.: Так все было раньше, килу-от посадят, так ой. Я износила вот ту.

Р. А.: Вот ты на что пошла...

Г. П.: Пировали сидели у Евгении Васильевны.

Р. А.: Ну, и кто посадил?! Не знаешь <...>

Г. П.: Петрова, так как мучалась, забыла, не знаю. Ко мне приходила, ведь, ко мне приходила, я сняла.

Р. А.: Ты снимаешь килы?

Г. П.: У меня записано. У нас у мамы была грудь, на груди у молоденькой, кто-то уж снял, не знаю, какая.

Р. А.: Ух ты сильная какая!

Г. П.: А на Бучиеве какой-то Малкович, не знаю тоже снимал килы, ему прийти-то некогда, он говорит: «Спиши». Вот было списано, и было под матицей. И мы маленькие это все (возьмем. — *Я. Н.*): «Какая бумажка!» почитаем, да опять. А потом достал отец откуда, я уж все, годов двадцати пяти была, двадцать восемь он помер, я была. И вот за матицей этот листочек, мы почитаем, опять этот листочек (положим — *Я. Н.*).

Р. А.: У меня свекровь тоже снимала. Она не садила, но снимать она снимала.

Г. П.: Я не сажу. А садить-то Боже избавь. Три, говорят, слова, только садить-то.

Знающий (колдун) насыляет болезнь, человек обращается за помощью к другому знающему человеку (знахарю), который исцеляет человека. Сюжет: *П1 2а*. Ведьма «портит» людей: по злобе или за нанесенную обиду «надевает хомут» (насыляет болезнь на человека); у ведьмы «дурной глаз» — человек (часто ребенок) заболевает от взгляда; изводит, губит человека или насыляет на человека смертельную болезнь: тоску, доводящую до самоубийства. *П3 24* Знахарь «ладит» людей: зачерчивает, шепчет на масло (чай, воду), натирает больное место, дает вышить — болезнь проходит (*Зиновьев, 19, 85*).

Соб.: А как снять килу?

Г. П.: А вот словами-то. Кто говорят, на гнешеницу³⁵ масла, картошки натереть, наскоблить.

Р. А.: Заговорить, да и.

Г. П.: И заговорить.

Соб.: А что сказать надо?

Р. А.: А эти слова нужно говорить не при обществе. А если она будет говорить, только тебе, и никак, если она старше человеку скажет, значит: старший человек не поможет, и она потеряет силу снятия этих. Так что ты, голубушка, лишка-то не говори эти слова. Поняла?! Может, сама потом прыщами покроешься, и снять себе не сможешь. Так что ты имеешь право говорить только младше себя и один на один.

Г. П.: Я-то во рту износила я килу-то. Мне Степановна-то килу в рот посадила, потому что мы сидели, разговаривали, да было-то, не знаю, человека три, ну я петь-то охоча-то, ну, вот запела. Только я вышла, из избы-то вышла из своей, она дожидалась, ведь, меня. Ну, вот вишь. Я не знала, не знала, что...

Р. А.: А меня научили с детства говорить слова, чтобы вот это ничего не приставало. А я не скажу вам.

Г. П.: А это, говорят, Воскресна-то молитва ничего не пристаёт.

Р. А.: Воскресна-то молитва, а-а-а, которая ты мне должна написать. Ты спишешь мне!

Г. П.: Вот наш отец поехал...

Р. А.: А у меня-то другие слова, скажу только младше, вам никому не скажу, только вот ему скажу. Потому что вы мне чего-то крутые. Он, вроде, помладше и разнополый. А ты-то свои слова никому не передавай, потому что ты уже в возрасте, а один на один можешь.

Г. П.: На свадьбу поехал отец в Уфтюгу. Я писала, помоложе, я исписывала в Красноборск.

Р. А.: Старшему ты не можешь говорить, ты можешь потерять.

Г. П.: Да, да, я знаю, старшим не надо отдавать.

Р. А.: И надо разнополому отдавать, не женщине, а мальчишечке, допустим. Поняла?! Вот так.

В рассказе отразились традиционные представления о передаче магических умений другому человеку.

Варианты: Мифологические рассказы Архангельской области, 332–336.

³⁵ Вероятно, от «гнести» — сжимать, стискивать.

18

Р. А.: Слушай, а вот внучку, Лену-то у тебя, провалилась в коробку-то с кипящей-то водой. Смотри, Прилуцкая из нашей деревни, старушка-то, она, ведь ее заговорила. Она вот так (по пояс) провалилась в кипящую воду, там коробка с кипящей водой...

Г. П.: Я услышала, думала: с ума сойду.

Р. А.: Она ее сразу домой увела, заговорила, сон на нее навела. И все. И она встала, и все. Можете, кипящая, бурлящая вода... Это надо знать. Она умерла, а этим девочкам, может, чего и передала, но они никогда не скажут ничего, девочки.

Г. П.: У меня-то тоже есть от ожога, но я-то не знаю.

Р. А.: Тут-то уж сильная была, тут-то явно. Она пока из этого узкого пространства, вот такое пространство у нее тут, ножка попала, молоденькая, годов семнадцать ей было. Она вот в кипятке, она так испугалась, еще надо, ведь, ногу вытащить оттуда ведь, да еще бочок с кипящими сливками держала. Это, ведь, надо было знать. И она ей заговорила все. Ей операцию, ничего не делали. О, как, о какие старухи были. Это в нашей деревне такая жила. Внучка у нее живет в Вершине.

Г. П.: У меня-то есть слова те, все записано, только я не знаю, надо наизусть выучить.

Р. А.: Да и беззубая, у меня сейчас ни одного своего зуба нет, так, но все равно на ожог-то маленько чего-то.

Согласно народным представлениям, в зубах содержится магическая сила, поэтому заговаривать и быть колдунами могут только те, у которых все зубы целы. Отсутствие зубов лишает колдуна его способностей.

Сюжет: *ГП 24* Знахарь «ладит» людей: зачерчивает, шепчет на масло (чай, воду), натирает больное место, дает выпить — болезнь проходит.

19

Р. А.: У нас Степка Жерихин, сам Степан Жерихин от Пучкина, он в Германскую, в первую воевал, с Германией в 14-м году. Слушайте, ведь, больше не услышите. Ну вот, и он воевал, остался он, значит, в Австрии, не в Австралии, а в Австрии, и там у него семья, все на свете было. И вот Олешенька-то его не могла дождаться, и, значит, он остался в Австралии...

Соб.: В Австрии?

Р. А.: В Австрии, тфу, черт. Семей обзавелся, дом построил. Олешенька ему сослужила молебен, молебен сослужила, я не замог

там жить. И вот он пешком, это, значит, начало Революции, в общем, он добрался, и пришел домой. Вот этот молебен помогает от любого.

Соб.: А кому молебен-то?

Р. А.: Она сослужила в церкви молебен на его, чтобы он вернулся домой, если живой. А если ты не живой, то за упокой, значит, тебе.

Г. П.: А я опять слыхала, что нады за упокой поминать, того человека. Он живой, а только поминай его за упокой. Тоже вернется.

Р. А.: Это, говорят, очень тяжело будет для него, тяжело для здоровья, но у нас-то тут говорили: или за здоровье, или за упокой. Если ты живой, так вернись, а не живой, так уж там. И все, он говорит: «Я к осени пол Европы, пол России прошагал». Как уж он там 17-й — 19-й год, ну, 20-й, может. Я не знаю, я забыла. Вот так. Этот молебен, молебен в церкви служат, это уж поищите в своих связях как молебен... Как молебен-то служат, не помнишь?!

Г. П.: Не знаю.

20

Г. П.: А... домово́й-от, я сама это знаю, почувствовала домового, домового я чувствовала, одно время, так шибко, каждую ночь, да прямо спать не змогла. А он поперек, и вот один раз я сплю, жарко, я на пол, это давно, и он, как будто едет на лошади, едет человек, а я раскидалась, хочу на себя простынку или чего ли набросить — шибко жарко, я у окна и спала-то, не на кровати уж. Да молодость, первый раз ко мне художник приезжал, это сколько годов, двадцать, да. Ну вот, и чего, приехал, я хочу натяну: ой, кто-то едет, в окошко, знаешь, высоко, лошадь, как на лошаде. Я распуталась, а у меня рука-то такая тяжелая, что я не могу, на меня уж Батам навалился. Ой, тут и догадалась, что это Батаман, ну и что... Батаман, Батаман, лежу, и потом чего, может, я замолилась, не помню. И меня поцеловал: не знаю, в щеку ли, в лоб ли поцеловал Батаман. Это к добру. Через сколько-то дней, этот, который, наверное, первый, с этого, из Молдавии, но он сам из Волгограда родины-то, а жил-то... Ой, все стала забывать. Ну, вот, пришел, и тут тоже эту иконку, где ли знаешь, у меня скупил, у меня уж продано сколько. Посмотрел, когда пошел, так у меня руку поцеловал. А хотел поцеловать — я разве разрешу?! Ну так за руку, а руку поцеловал. Вот видишь: Батаман наворожил.

Р. А.: Ишь какой.

Г. П.: А потом, потом, потом, я забыла перед кем он. Холодом обнесло, я думаю: к чему, к чему, а холодом. А вот забыла, кто-то помер из наших-то, холодом обнесло, это уж, не к добру.

Соб.: Но он у Вас добрый? Дедушка-то добрый?

Г. П.: Так не знаю...

Р. А.: Добрый, добрый! Она живет, вот все и живет вот с таким здоровьем.

Сюжет: *Б1 9а* Домовой предсказывает будущее: наваливаясь на спящего. отвечает на вопрос «К худу или к добру?», предсказание сбывается.

Сюжет широко распространен на Русском Севере. Региональные варианты: Богатырев, с. 55; Карнаухова, 28; Власова, 2004, 1, 2; Черепанова, 86, 93; Мифологические рассказы Архангельской области, 163–174 и др.

21

Г. П.: Нет, нет, я это только к слову, а так...

Р. П.: Угу, а я-то угощаю.

Г. П.: Я не угощаю.

Р. П.: Я ему на седьмое февраля морковку на стол ложу и яичко варю, а ты, вот — ишь, нет! А я-то его, я там в Котласе приучила своих всех, говорю: «Чего это вы, день рождения сегодня домового, забыли, наверное». Ну...

Г. П.: Нет, это я...

Р. А.: Вари, вари морковку ему и яичко, он тебя любить будет. Ему именины, а ты ему ничего не сваришь и на стол ничего не поставишь, ты сама потом съешь его яичко-то.

Г. П.: Батамушко-то скотину...

Р. А.: Надо ему именины праздновать.

Г. П.: Скотину незалюбит, так все навьет...

Соб.: И что тогда с ней делать?

Г. П.: Не знаю, что делать.

Р. А.: Так волосы заполостит, что утром не расчешешь.

Г. П.: Ведь, скотины худо, девки ничего не слышали. Я слыхала, да забыла, никому ничего не передавала. А у нас Анна знала, я не знаю, от кого учила от Анны, так надо Батамушку, застаешь скотину, а как там... Батюшка, люби мою кого коровушку, и там пои сладко, води гладко....

Р. А.: Сам не тешься, и робяткам не давай.

Г. П.: Корми гладко, пой сладко. И вот так мне она.

Р. А.: Сам не тешься, и робяткам не давай.

Г. П.: Это-то...

Р. А.: Это-то уж надо знать. А день-то рождения ему празднуй. Яичко с морковкой на 7-е февраля ему ставь, а то что — домовому день рождения не празднуешь, ты что. Меня старше.

Г. П.: Я нет, нет, нет, только я не слыхала, и... не надо мне, и домового мне никакого не нады.

Р. А.: Иди ты! Как без домового жить? Он, Христовый, нас хранит.

Г. П.: Да... хранит, только напугает.

Соб.: Так он так уйдет у Вас? Не уйдет?

Р. А.: Не уйдет, только обижать будет, или жить худо будешь. Здоровье тебе дает! Да.

Г. П.: Не знаю...

* * *

Р. А.: Иногда морковку ему ложу и яичко.

Соб.: А куда?

Р. А.: На стол. У него седьмого февраля день рождения. Был седьмого, потом сказали тринадцатого, я запуталась. Во всех календарях что-то начали врать, обычно седьмого февраля. Я и в городе в квартире ему морковку ложу и яичко.

И. В.: Там-то, конечно, есть.

Р. А.: И говорю: «Давай, батюшка Батамушка, сегодня тебе день рождения».

Домовой мучает скотину, хозяйка выполняет ритуальные действия, домовой меняет отношение.

Сюжет: *Б1 1e* Домовой показывается людям в образе маленького лохматого белого существа; Б186. Домовой мучает скотину; наутро лошадь (корова) оказывается мокрой, со спутанной шерстью.

Рассказы о подарках для домового и его дне рождения были записаны нами в различных деревнях этой части Красноборского района, однако ни один из наших собеседников не называл нам точной даты. Традиционно именины хозяйки дома отмечаются в день Ефрема Сирина, 10 февраля (см. *Власова*, 2008. С. 147).

Варианты: Черепанова, 100, 108, 110, 122 и др.; Мифологические рассказы Архангельской области, 134, 142, 194–210.

22

Соб.: А если люди переселяются из дома в дом, они его как с собой берут?

Р. А.: Я так заходила в квартиру, все говорила...

Г. П.: Все к домовому, заходят, это...

Р. А.: А тому домовому я говорю: «Я пошла, а ты других хозяев встречай и принимай, как меня любил». А в квартиру заходила, я уже сказала: «Батюшка-Батамушка, вот я пришла, давай меня тоже принимай».

Варианты: Черепанова, 102, 104 и др.; Мифологические рассказы Архангельской области, 141–147.

23

Р. А.: Видали мы с тобой, помнишь, сидели на кухне, ели, и-и-и... беленький. Мне кажется, это ласка бежала, правда?

В. П.: Так ласка есть Батамушко.

Р. А.: У нас считается, что Батамушко-то — ласка.

Соб.: Белая?

Р. А.: Белая, ти-ти-ти, побежала, побежала. Я Вовке говорю, молодые были: «У, смотри, бежит. А она беленькая повыглядывала, ты-ты-ты-ты».

Сюжет: *Б1 1е* Домовой показывается людям в образе маленького лохматого белого существа.

Варианты: Черепанова, 112–115; Мифологические рассказы Архангельской области, 201–207.

24

Г. П.: Я не знаю, как в квартиру-то заходят, а вот когда покойника увезут, кто помер, значит, свой, так вот у нас Веня помер, так еще как увезут, надо полешком все перекрестить. «Был и нет, был и нет».

Соб.: Все углы?

Г. П.: Углы и комнаты. «Был и нет, был и нет».

В Белой Слуде и окрестных деревнях нами не было записано похожих рассказов, однако многие наши собеседники называли в качестве одного из обязательных элементов похоронного обряда переворачивание лавки, на которой стоял гроб, со словами «Был и нет(у), был и нет(у)», которое необходимо сделать сразу после того, как покойного вынесут из дому. Каждый вернувшийся на поминки с кладбища человек брал из уже заготовленной для этого случая кучи дров с собой полено и ставил его у печки, за печку (или в саму печку), но уже без слов.

Этот обычай был зафиксирован нами у поморов на Терском берегу и повсеместно в Красноборском районе. Пелагея Афанасьевна Кобылина (1918–2010-е) из д. Черевково Черевковского с/с рассказывала о том, что люди, возвращающиеся с кладбища, брали с собой полено, стучали этим поленом по углам, приговаривая «Ушел, больше не приходи! Ушел, больше не приходи!» Этот обычай Пелагея Афанасьевна называет поздним, к таким же поздним обычаям она относит и переворачивание лавки, на которой стоял гроб.

В книге О. А. Черепановой (Черепанова, 41) приводится похожая словесная формула «Ух-нету! Ух-нету! Был и нету!», которая произносится, чтобы покойника не бояться.

Соб.: А чтобы не тосковать по покойному, может быть, тоже что-то можно сделать?

Г. П.: Фаина, вот, думали, с ума сойдет, Коля-то помер когда, ты, ведь, ее тетку-то знала, Легковушку-то...

Р. А.: Да, да, да, у, очень была такая хорошая старушка. Легковушка. Вот, имена-то записывайте, Легковушку старушку.

Г. П.: А прозвали Легковушка потому что была худенькая, как несется-то шибко-то.

Р. А.: Я насколько запомнила старушку эту. Она придет, мы купаемся маленькие, она придет к нам купаться, ребята ее бултых, бросят ее впереди. Она все время с нами купалась, а ей было, наверное, восемьдесят. Да, восемьдесят ей было. И они ее бултых, она на нас не обижалась, она нас любила.

Г. П.: Она водила Фаину на реку, помывала, со словами, (чтобы было — *Я. Н.*) легче, то, что с ума сходила по покойнику — замерз сын.

Р. А.: Пил, так...

Г. П.: Да молодой-от, самый последний. Да как, тут надо: «Вода по реке, тоска по воде», так сказать. «Вода по реке, тоска по воде с такой-то рабы... там».

Р. А.: Вода по реке, тоска...

Г. П.: Вода по реке, а тоска с рабы Божьей по реке, там название надо.

Р. А.: Вот это я не слыхала.

Вариант: Иванова, с. 28.

Список сокращений

Балашов — Сказки Терского берега Белого моря / изд. подг. Д. М. Балашов. Л., 1970.

Богатырев — *Богатырев П. Г.* Верования великоруссов Шенкурского уезда Архангельской губернии // Этнографическое обозрение. 1916. Кн. 111–112. № 3–4. С. 42–80.

Варенцов — Сборник русских духовных стихов, составленный В. Варенцовым. СПб., 1860.

Власов — *Власов А. Н.* Хороводные и плясовые песни Нижней Вычегды. Режим доступа: <https://www.culture.ru/objects/2136/khorovodnye-i-plyasovye-pesni-nizhnei-vychehdy>

- Власова 2004* — Власова М. Н. Прозаический фольклор Терского берега Белого моря (по записям 1982–1988 гг.) // Русский фольклор. 2004. Т. 37. С. 349–383.
- Власова 2008* — Власова М. Н. Энциклопедия русских суеверий. СПб., 2008. С. 147.
- Гура* — Народное устно-поэтическое творчество Вологодского края: сказки, песни, частушки / сост., вступ. ст. и ред. В. В. Гура. Архангельск, 1965.
- Духовные стихи Русского Севера* — Духовные стихи Русского Севера / сост. В. П. Кузнецова; сост. нот, прил. Г. В. Лобкова, М. Н. Шейченко. Петрозаводск, 2013.
- Ефименко* — Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименком. Ч. 1 и 2 // ТЭО ИОЛЕАЭ. М., 1877–1878. Кн. 5. Вып. 1 и 2.
- Иванова* — Заговоры и заклинания Пинежья / вступ. ст., подг. текстов, коммент. А. А. Ивановой. Карпогоры, 1998.
- Карнаухова* — Неизданные материалы экспедиций на Русский Север 1926–1928 гг. Сказки, легенды, былички / вступ. ст., сост., подг. текстов и коммент. М. Н. Власовой. СПб., 2011.
- Киреевский 1848* — Русские народные песни, собранные Петром Киреевским. Ч. 1. Русские народные стихи // Чтения ОИДР при Московском университете. [М.], 1848. № 9. Разд. 4. С. 145–226.
- Колтакова 1963* — Песни Печоры / изд. подг. Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколов, В. М. Добровольский. М.; Л., 1963.
- Колтакова 1973* — Лирика русской свадьбы / изд. подг. Н. П. Колпакова; отв. ред. В. Е. Гусев. Л., 1973.
- Марков* — Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова / изд. подг. С. Н. Азбелев, Ю. И. Марченко; отв. ред. Т. Г. Иванова. СПб., 2002.
- Народное творчество Северной Двины* — Народное творчество Северной Двины. Архангельск, 1966.
- Соболевский* — Соболевский А. И. Великорусские народные песни / изд. проф. А. И. Соболевским. СПб., 1895–1907. Т. 1–7.
- Студитский* — Народные песни Вологодской и Олонецкой губерний / соб. Ф. Студитским. СПб., 1841.
- Черепанова* — Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / сост. и автор коммент. О. А. Черепанова. СПб., 1996.